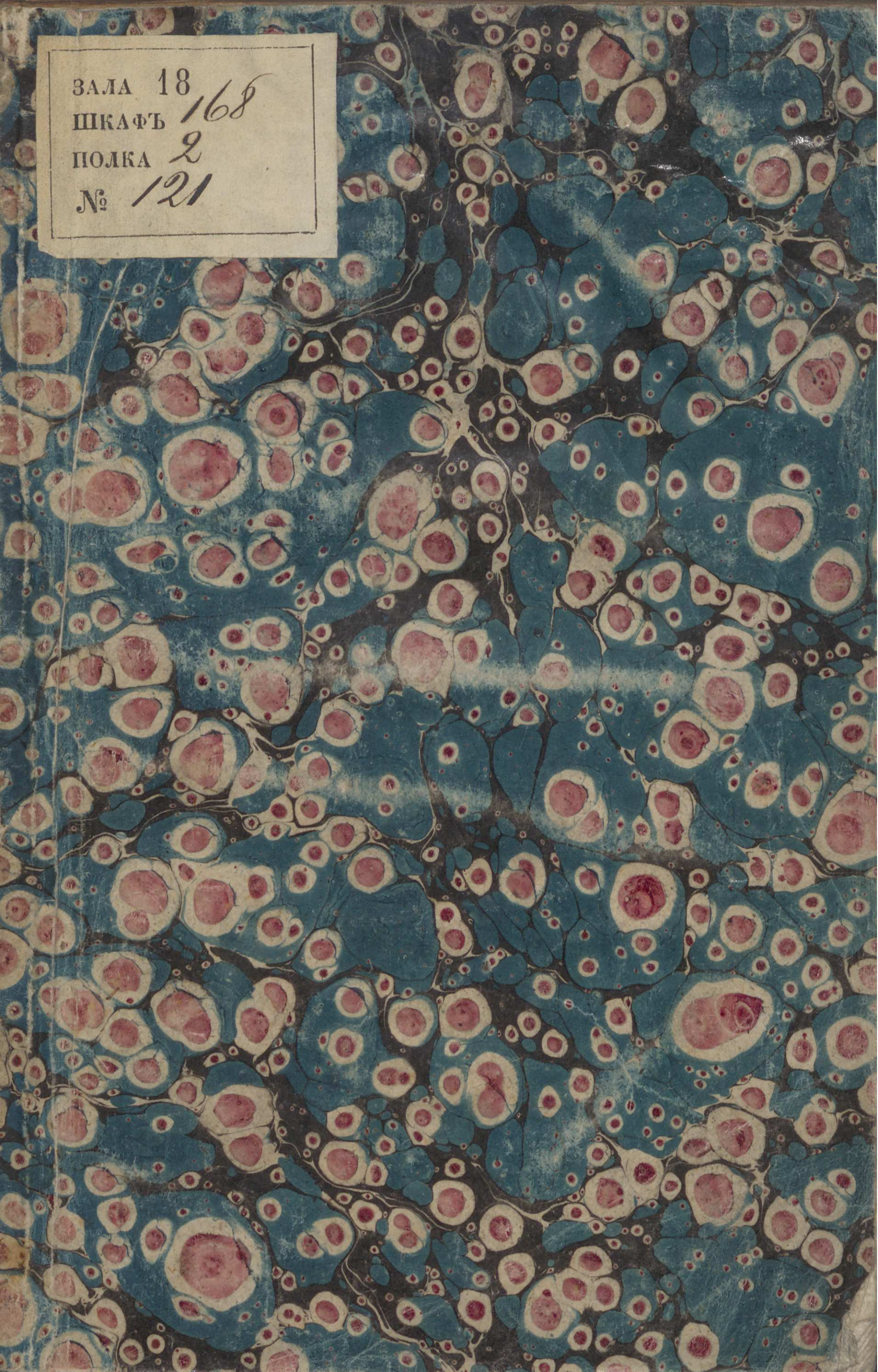

ЗАЛА 18
ШКАФЪ 168
ПОЛКА 2
№ 121

ЖЕНСКАЯ ХВОРОСТЬ
КОМЕДІЯ

въ

ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ

сочиненія г. Геллерта.

перевелъ

СТЕПАНЪ ПОРУЧКИНЪ.

Цѣна 10 коп.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи наукъ
1775 года.

Дѣйствующія лица.

СТЕФАНША,

СТЕФАНЪ,

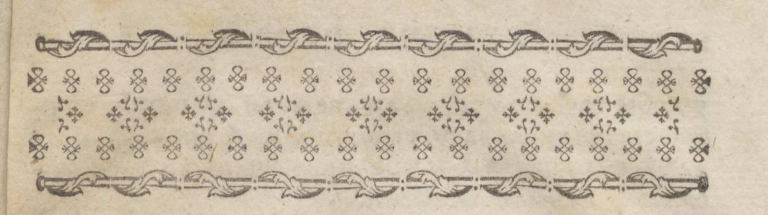
ДѢВИЦА ФИЛИППИНА, Стефанова племянница,

ДѢВИЦА ГЕНРІЕТТА, сведеная сестра Стефанши,

ХИРОМАНТИКЪ,

РИХАРДЪ,

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

СТЕФАНША (*на креслахъ*) **ДѢВИЦА ФИЛИППИНА.**

ФИЛИППИНА.

Какъ ? сударыня ! вы не можете ? сердечно сожалѣю. Чѣмъ мнѣ вамъ служить ?

СТЕФАНША.

Ничемъ, кромѣ того чтобы ты нимало не старалася уменьшать ту опасность, въ которой я нахожуся. Я знаю какова ты. Ты всякаго только привыкла ободрять; и по рѣчамъ твоимъ должно бы и наивеличайшую болѣзнь почитать за самой легкой припадокъ, который никакихъ слѣдствій по себѣ не имѣетъ.

ФИЛИППИНА.

Скажите только мнѣ тютушка, сударыня, что вамъ сдѣлалось. Я божусь вамъ, что я разговаривать васъ не стану, когда вы больше удовольствія находите въ томъ,

А что-

чтобы васъ не утѣшали, нежели въ томъ, чтобы старалися васъ успокоить. А коли по правдѣ сказать, я больше примѣчаю въ васъ досады, нежели болѣзни.

СТЕФАНША.

Я такъ таки и думала, что остроумныя твои догадки нанесутъ тебѣ дюжину сомнѣніи о моей болѣзни. Я скажу тебѣ племяненка по дружбѣ одно слово. Ты за нѣсколько лѣтъ была гораздо вѣжливѣе и учтивѣе.

ФИЛИППИНА.

Ета похвала ваша приличнѣе той угрюмости, которая северодни видна на лицѣ вашемъ. Оставимъ другихъ измѣрять предѣлы вашего благоразумія и моей невѣжливости. А чтобъ мнѣ въ болѣзни вашей болѣе васъ не безпокоить: такъ я пойду, и желаю вамъ тётушка скораго облегченія, если ето вамъ не противно.

СТЕФАНША.

Подожди, племяненка, ты еще не знаешъ, что мнѣ сдѣлалось. Я больна, да и очень больна, и во все утро мучилась жестокими припадками. Конечно я нынѣшнимъ утромъ простудилась.

ФИЛИППИНА.

Когда вы жалуетесь на припадки, а особливо на простуду, такъ думаю я, лучшебъ вамъ лечь на часъ въ постелю. Можетъ быть скоро вамъ будетъ полегче, когда согрѣ-

трѣтесь. Сколь припадки тяжелы, столь легко они и проходятъ.

СТЕФАНША.

Ты уже начинаешъ меня утѣшать? вить я тебя о томъ не спрашивала, столь ли припадокъ мой опасенъ, какъ горячка съ пятнами послѣ родовъ.

ФИЛИППИНА.

Я вамъ еще повторяю мой совѣтъ. Лягте въ постелю, можетъ быть вамъ скоро полегче будетъ.

СТЕФАНША.

Можетъ быть вамъ скоро полегче будетъ. Ето такъ же сказано съ великою холодностїю. По чему тебѣ знать, что мнѣ скоро будетъ полегче, и что болѣзнь моя будетъ значить менѣе, нежели ничего? я нѣсколько уже дней примѣчаю въ себѣ сильное волненїе крови. Ты знаешъ, что я не скоро пожалуюсь. Нѣтъ, племяненка, коли я скажу, что я нѣсколько недомогаю, тогда уже я гораздо больна. Пристало ли спесивой Рихардши севодни по утру мучить меня своимъ великолѣпнымъ посѣщенїемъ, и въ новой ея кофтѣ принуждать меня разсуждать о моемъ достаткѣ?

ФИЛИППИНА.

Тѣмъ тютушка вы не вылѣчитесь, что опять на свапью сердитесь. Не думайте больше объ етомъ. Вить добрую приятельницу въ маломъ порокѣ извинить можно.

СТЕФАНША.

Еслибъ только ты ее видѣла. Она была въ кофточкѣ новомоднаго штофу, которой только въ перьвой разъ привезенъ въ нынѣшнюю ярманку, и она по самыя уши сама въ себя влюблена. Она, какъ малой робенокъ, спрашивала меня тысячу разъ, какъ нравится мнѣ етотъ штофъ. Едакая дура! она думаетъ, что она уже лучше меня, по тому что у меня нѣтъ такой кофточки; никакъ, ето меня не безпокоитъ.

ФИЛИППИНА.

Пускай она носитъ платье какое хочетъ. Витъ тѣмъ она пороковъ своихъ не закроетъ. Я хочу прочесть вамъ между тѣмъ новое сочиненіе объ одномъ молодомъ человѣкѣ. Оно содержитъ въ себѣ оду на весну. Она мнѣ весьма нравится, и думаю, что вамъ чашка кофію при слушаніи ея будетъ пріятнѣе.

СТЕФАНША.

Да, еслибъ я столько же здорова была, какъ ты: такъ бы ето препровожденіе времени къ стати для меня было. Къ чему тебѣ теперь мучить меня такимъ сухимъ еженедѣльнымъ сочиненіемъ? ты видишъ, какъ я больна! кто вѣдаетъ, подъ которымъ окошкомъ сидитъ теперь Рихардша въ новомъ ея нарядѣ. Ахъ, сколь та женщина глупа! которая вдается въ наряды.

ФИЛИ-

ФИЛИППИНА.

Коли вы не дозволяете мнѣ прочесть вамъ етова листка; такъ я опять пойду. Мнѣ болѣе вамъ пособить нѣчемъ.

СТЕФАНША.

Пожалуй поди, вить я тебя не держу. Послушай ка Филиппина, я думаю, что ето еженедѣльное сочиненіе столькобъ тебѣ не нравилось, еслибъ оно не объ молодомъ человѣкѣ было. Разумѣешъ ли ты меня?

ФИЛИППИНА.

Вы конечно разумѣете то, что я къ молодымъ мущинамъ имѣю склонность. Еслибъ всѣ молодые люди столько были учтивы и разумны, какъ сей: такъ бы могли мы безъ всякаго зазору съ ними обходиться, шутить и подружески цѣловаться, безъ повреждѣнія нашей чести.

СТЕФАНША.

Когда ты изъ едакихъ еженедѣльныхъ сочиненій тому только научаешься, чтобъ шутки и поцѣлуи почитать за позволительное дѣло; такъ кажется мнѣ полезнѣебъ для тебя было, еслибъ ты ето праздное время провождала въ шитьѣ, нежели въ чтеніи такихъ сочиненій, не говори пожалуй такъ смѣло.

ФИЛИППИНА.

У меня тётушка что на умѣ, то и на языкѣ. А у ково на умѣ доброе, тотъ безъ всякой опасности смѣло говорить можетъ.

СТЕФАНША.

Конечно ты вздумала меня учить, сударыня, не говори пожалуй съ довадами такими. А если хочется тебѣ разсыпать свое благоразуміе, такъ ты можежъ сдѣлать ето у Рихардши. Статься можетъ, я бы нынѣшней день не захворала, еслибъ была она по умнѣе. Но я за глаза объ ней говорить не хочу. Мужъ ея вить не такой знатной человѣкъ, котораго бъ состояніе могло извинить богатой ея нарядъ, а мой таки всегда ево лучше. Пожалуй сдѣлай мнѣ одолженіе, не говори больше ни слова объ едакой спесивой женщинѣ.

ФИЛИППИНА.

Да когда я объ ней говорила? или вы тетушка для тово запрещаете мнѣ о Рихардшѣ говорить, чтобъ я тѣмъ больше объ васъ говорила.

СТЕФАНША.

Пожалуйте оставте меня. Я не знаю почему ты привыкаешъ къ такому безстыдному дѣлу, чтобъ завсегда прекословить. Наконецъ доведешъ себя до того, что ни гдѣ въ компаніяхъ принимать тебя не станутъ. Примѣчай ето правило, что тотъ всѣхъ глупѣе, кто почитаетъ себя умнѣе всѣхъ другихъ.

ФИЛИППИНА.

Когда вы такими учтивыми выговорами меня выгоняете: такъ я вамъ сей часъ самымъ

мымъ искуствомъ покажу, что я умѣю жить, и знаю угождать другимъ. Прощайте сударыня.

СТЕФАНША.

Нѣтъ, племяненка. Я тебя не выгоняю. Побудь здѣсь. Коли мужъ мой отъ доктора придетъ; такъ скажи ему, что я легла въ постелю. Мнѣ очень не можется. Я примѣчаю новые припадки . . . сердце у меня бьется . . . одышка мучитъ . . . колотье подступило . . . охъ, чортъ бы ее взялъ съ проклятымъ ея посѣщеніемъ!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ФИЛИППИНА, СТЕФАНЪ.

СТЕФАНЪ.

Гдѣ хворая моя бедняшка? докторъ тотчасъ сюда будетъ.

ФИЛИППИНА.

Она бедненькая хотѣла лечь въ постелю. Я думаю, что она легла.

СТЕФАНЪ.

Ахъ, любезная племяненка, не вѣдаю, для чево столько меня страшатъ припадки жены моей. Не дай богъ, чтобъ они въ самомъ дѣлѣ столько были опасны. Я прямо

мо нещастнѣйшій человѣкъ буду , если жена моя умретъ. Я люблю ее несказанно. Но она большей еще любви достойна. Еслибъ я зналъ , что она нѣсколько заснула ; такъ бы я ее ни мало безпокоить не сталъ.

ФИЛИППИНА.

Отъ чево вы такъ робѣете , дядюшка ? Вить ети припадки не опасны. Отъ одного припадка люди не вдругъ еще умираютъ. Коли я не ошибаюсь , такъ тютушка не такъ еще больна , чтобъ была уже близъ смерти. Я съ нею долго разговаривала. Она еще гораздо болѣе беретъ участія въ похожденіяхъ живыхъ людей , нежели скоро на тотъ свѣтъ отправиться думаетъ.

СТЕФАНЪ.

Не значутъ ли такія припадки скорыхъ родовъ жены моей ? благополучно ли то она родитъ ? не пристанетъ ли къ ней съ пятнами горячка послѣ родовъ , и такимъ образомъ не изторгнетъ ли ея изъ рукъ моихъ ? ахъ я несчастный !

ФИЛИППИНА.

Коли вы такъ разсуждаете , дядюшка ; такъ лучшебъ вамъ для спокойствія вашего никогда не жениться.

СТЕФАНЪ.

Такъ ты думаешь , племяненка , что жена моя не опасна ? Дай Богъ, чтобъ такъ

ето

ето прошло! но частые припадки . . . біеніе сердца . . . докторъ все ето слушалъ со вниманіемъ. По томъ пришолъ въ глубокую задумчивость, и не зналъ, какъ назвать ету болѣзнь.

ФИЛИППИНА.

Я такъ же не вѣдаю, какъ назвать тѣтушкину болѣзнь. Но статься можетъ скоро узнаю я причину. А какъ причина ета не опасна: такъ не чаю я худыхъ и слѣдствій.

СТЕФАНЪ.

Ето уже я слышалъ. Ты говоришъ нѣсколько скрытно, по елику ты еще дѣвица. Ето благоразумно. Однимъ словомъ, тебѣ хочется сказать то, о чемъ уже я говорилъ, что жена моя беременна.

ФИЛИППИНА.

Етова совсѣмъ въ умѣ моемъ не бывало.

СТЕФАНЪ.

Признайся, племяненка безъ стыда. Еслибъ скоро только обрадовала она меня здоровымъ и пригожимъ наслѣдникомъ. Кто бы радостнѣе меня быть могъ? яблочко отъ яблонки не далеко катится. Вить жена моя одарена многими совершенствами; такъ и дѣти должны изящнѣйшія имѣть качества.

ФИЛИППИНА.

Имъ должно имѣть. Етова я такъ же не вѣдаю.

СТЕФАНЪ.

Ты еще таки сомнѣваешься, племяненка? развѣ жена моя не перьвая красавица во всемъ городѣ?

ФИЛИППИНА.

Етотъ вопросъ вашъ, дядюшка, касается до всего города: такъ пусть весь городъ и отвѣчаетъ. Я вамъ на ето рѣшительнаго отвѣту сказать не могу.

СТЕФАНЪ.

Развѣ жена моя не изряднѣйшая, не любезнѣйшая, не разумнѣйшая, не порядочнѣйшая хозяйка, не щеголиха и не самая скромнѣйшая женщина во всемъ городѣ? тотъ конечно долженъ быть врагъ мой, которой бы мнѣ въ етомъ прекословить сталъ.

ФИЛИППИНА.

Дядюшка, сударь. Ето называется, величать жену свою на счетъ всего женскаго пола.

СТЕФАНЪ.

Я говорю такъ, какъ говорить должно человѣку разумному, которой знаетъ жену свою, и каждой день новыя въ ней преимущества находитъ. Развѣ думаешъ ты сударыня, что я столь мало имѣю разсудку, что не могу видѣть въ человѣкѣ добродѣтелей и пороковъ?

ФИЛИ-

ФИЛИППИНА.

Никакъ, дядюшка, сударь. Етова я не думаю. Вы довольно разумны. Но вы весьма горячо любите жену свою, а такая любовь не рѣдко глаза наши ослѣпляетъ.

СТЕФАНЪ.

Къ чемубъ ето учоное примѣчаніе было? развѣ я изъ числа тѣхъ людей, которые воображеніемъ ослѣпляются?

ФИЛИППИНА.

Я вижу, дядюшка, сударь, что вы легко на правду осердиться можете. Прекратимъ нашъ разговоръ, я отдаю вамъ справедливость.

СТЕФАНЪ.

Кенечно такъ. Не довольно тово, что я справедливъ, но я хочу еще тебя въ несправедливости обличить. Скажи мнѣ пожалуй, какой ты порокъ въ женѣ моей находишъ? Я неотмѣнно оной знать хочу, по тому что увѣренъ, что она во всемъ совершенна.

ФИЛИППИНА.

Коли вы, дядюшка сударь, точно уже объ етомъ увѣрены: такъ вы меня напередъ убѣдили. Теперь уже разумъ запрещаетъ мнѣ болѣе объ етомъ говорить.

СТЕФАНЪ.

Нѣтъ, говори, чтобъ я могъ убѣдить тебя справедливостію, и защитить честь жены моей.

ФИЛИ-

ФИЛИППИНА.

Развѣ тѣмъ похищаю я честь жены вашей, что смотрю на нее не такими глазами, какими вы на нее глядите?

СТЕФАНЪ.

Я тебѣ коротко говорю, что я хочу знать пороки жены моей. Ты мнѣ ихъ сказать должна.

ФИЛИППИНА.

Когда вы неотступно меня принуждаете: такъ я скажу вамъ напрямки о нравѣ жены вашей. Она кажется мнѣ нѣсколько тщеславна, горделива и охотница повелѣвать, а въ прочемъ добросердечна.

СТЕФАНЪ.

Не уже ли ты племяненка весь стыдъ потеряла? Коли жена моя такова, какъ ты сказываешъ: такъ по етому и я былъ глупъ, что любилъ жену недостойную любви моей.

ФИЛИППИНА.

Никакъ, дядюшка, вить женъ любятъ не за одни только ихъ добродѣтели, но такъ же за ихъ живность, пріятной видъ плѣняющіе взоры, за ихъ красоту, и за то искуство, которымъ они нѣжность свою дѣлаютъ драгоцѣнною.

СТЕФАНЪ.

Не погнѣвайся, племяненка, что я тебѣ въ сердцахъ скажу. Ты не совсѣмъ ума.

на. Знаешъ ли по чему? по тому, что ты ставишъ себя умнѣе меня и жены моей. Вотъ мое доказательство. Оно коротенько, однако связно. Доказывай теперь, что жена моя тщеславна, горда и проч.

ФИЛИППИНА

Вы сами сударь въ поступкахъ ея найдите ето самое доказательство, а я вамъ предложить ево не могу.

СТЕФАНЪ.

Я принимаю твое наставленіе. Но кто жену мою безъ всякихъ причинъ унижаетъ, тово почитаю я бѣсомъ и смутникомъ супружества.

ФИЛИППИНА.

Конечно вы, дядюшка сударь, не могли вздумать другаго пристойнѣе для меня названія, что изволили уже и бѣса вытащить изъ аду? вить вы сами заставили меня сказать вамъ слабости жены вашей.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ТѢЖЪ, ГЕНРІЕТТА.

ГЕНРІЕТТА.

Подите сударь поскорѣе къ сестрицѣ. У нее припадокъ за припадкомъ слѣдуетъ.

СТЕ-

СТЕФАНЪ.

Ахъ, я несчастной! конечно жена моя умретъ Конечно гаданіе господина Хиромантика сбудется. Ахъ, я бѣдной! теперь враги ея радуются. (*Генріеттѣ*) Подождите маленько, покамѣстъ Хиромантикъ сюда придетъ. Я ево сюда звалъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ФИЛИППИНА, ГЕНРІЕТТА.

ГЕНРІЕТТА.

Не вѣдаю, что сестрицѣ моей сдѣлалось. Она лежа въ постелѣ говоритъ уже о тѣхъ вещахъ, которыя мнѣ отказать намѣрена; у ней есть весьма богатое платье: но я желалабъ ей еще долго жить. Конечно она въ самомъ дѣлѣ очень больна.

ФИЛИППИНА.

Можетъ быть поменьшебъ она хворала, еслибъ доброй ея мужъ не столько ей потакалъ.

ГЕНРІЕТТА.

Я сестрицу свою ни оправдаю, ни обвиняю. Но добрый мужъ святое дѣло. Если я когда ниесть выду замужъ, такъ выберу себѣ такова мужа, которой бы меня любилъ, да и любилъ. Я хотя всегда приказы его испол-

исполнять стану, однакожъ довольно ему въ жизни ево насолю.

ФИЛИППИНА.

Коли я въ мнѣнїи вашемъ не ошиблась: такъ для вашего мужа дѣло не очень на стать будетъ, если онъ не будетъ всегдашнимъ вашимъ благодѣтелемъ, обожателемъ и невольникомъ.

ГЕНРІЕТТА.

Я бы желала, чтобъ ты оставила такую привычку столь строго разсуждать о всѣхъ нашихъ поступкахъ и намѣренїяхъ. Это значитъ варварски поступать съ собою и съ другими. Я бы не хотѣла имѣть такъ тяжелаго нраву, какъ ты.

ФИЛИППИНА

Напрасно, мой нравъ нимало не тяжелъ. Я ищу во всѣхъ мѣстахъ забавъ, и всѣму свѣту ихъ желаю. Да при томъ я увѣрена, что не имѣя прежде важнаго виду и разсужденїя, не можно быть веселою и спокойною.

ГЕНРІЕТТА.

Пусть легкомыслїе мое останется со мною, но дай мнѣ свободу, поступать по моей волѣ. Я не меньше довольна моимъ легкомыслїемъ, сколько ты своимъ великимъ разсужденїемъ. Прощай сударыня. Мнѣ нынѣшнимъ утромъ надлежитъ прочесть о всѣхъ Европейскихъ дворахъ. Видишъ ли? вотъ сколько я уже

уже со вчерашняго дня прочла. Послѣ обѣда хочу писать письмо въ Парижъ къ моему любезному Карлу.

ФИЛИППИНА.

Оставайся же здѣсь, тебѣ надобно дождаться господина Хиромантика. Я пойду на минуту къ тетушкѣ навѣстить ее; чтобъ она въ такомъ случаѣ и безъ горячки не начала въ похвалу мнѣ бредить.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ГЕНРІЕТТА, ХИРОМАНТИКЪ.

ХИРОМАНТИКЪ.

Извините меня, сударыня. Я ищу господина Стефана. Онъ присылалъ ко мнѣ сказать, чтобъ я немедлѣнно къ нему пришолъ. Правду сказать онъ не въ пору меня потревожилъ. Я въ ето время сидѣлъ въ самыхъ глубокихъ размышленіяхъ. Мнѣ надлежитъ нашему графу, вы его знаете, предгадательствовать о его благополучіи въ жизни. Я обѣщалъ сдѣлать ему ето къ послѣзавтрему; но мнѣ недостаютъ еще цѣлыхъ десяти лѣтъ ево жизни. Поелику я начелъ только сорокъ лѣтъ, а онъ прожилъ уже пятьдесятъ. И по примѣтамъ кажется, что онъ въ сіи десять лѣтъ не мало еще претерпитъ. Однако о закрытыхъ отъ насъ дѣлахъ не очень охотно я говорю; а гдѣ господинъ Стефанъ?

ГЕН-

ГЕНРІЕТТА.

Я ево сей часъ сюда призову. Да скажите мнѣ, сударь, что вамъ такъ скоро у нево дѣлать? кажется тамъ нѣтъ ничево любопытнаго.

ХИРОМАНТИКЪ.

Я такъ же не вѣдаю, что мнѣ у нево дѣлать. А хотябъ я и догадывался; однакожъ вамъ объ етомъ не скажу. Скромность есть душа моей профессіи. Больше меня не спрашивайте, сударыня.

ГЕНРІЕТТА.

Мнѣ кажется, что вамъ гораздо труднѣе объ одномъ дѣлѣ умолчать, нежели десять разболтать. Извольте, сударь, точками немножко погадать. Между тѣмъ я позову сюда господина Стефана, и вамъ напередъ скажу, что жена ево нынѣшнимъ утромъ захворала. Ею обшибаютъ обмороки. Да вотъ онъ и самъ идетъ. Теперь уже мнѣ не мѣсто быть при етой тайной Аудіенціи.

◆◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◆

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ХИРОМАНТИКЪ, СТЕФАНЪ.

СТЕФАНЪ.

Ахъ, любезный другъ! вы уже здѣсь? я несчастной ищу въ васъ приятства и отрады . . .

ХИРОМАНТИКЪ.

Пожалуйте помолчите. Я всё знаю, о чемъ вы говорить хотите. Видитель, вотъ я здѣсь на рукѣ сдѣлалъ карандашемъ нѣсколько точекъ. Не правда ли, что жена ваша захворала? не ошибаютъ ли ее обмороки одинъ за другимъ? не правда ли, что вы намѣрены спросить меня объ опасности ея болѣзни? не отгадалъ ли я?

СТЕФАНЪ.

Ахъ Боже мой! какимъ образомъ вы обо всемъ узнаете? я дружески васъ прошу, откройтесь мнѣ по совѣсти, что послѣдуетъ съ моею бѣдниинькою женою. Докторъ говорилъ, что конечно де будетъ у ней съ пятнами горячка.

ХИРОМАНТИКЪ.

Вздоръ!

СТЕФАНЪ.

Я то же думаю. Я больше полагаюсь, что жена моя беременна. Да какъ объ етомъ и не думать, поелику мы столь нѣжно другъ друга любимъ, и скоро уже женидьбѣ нашей годъ минетъ?

ХИРОМАНТИКЪ.

Худо отгадали! объ етомъ со всѣмъ думать не льзя, чтобъ она была беременна.

СТЕ-

СТЕФАНЪ.

А для чево не льзя? я бы всѣмъ сердцемъ чево желалъ.

ХИРОМАНТИКЪ.

Ето станется. Но я въ томъ не виноватъ, что совсѣмъ иное вышло. Я за нѣсколько недѣль до етова смотрѣлъ любезной женѣ твоей на руку: только ничево не примѣтно ни о томъ, чтобъ она понесла, ни о горячкѣ съ пятнами, а совсѣмъ видны на рукѣ другіе знаки.

СТЕФАНЪ.

А какіе? только не смерть, а впрочемъ всё! я несчастной! теперь приходятъ мнѣ на мысль прежнія слова ваши.

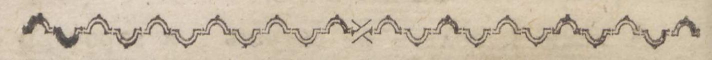
ХИРОМАНТИКЪ.

Не заставляйте теперь меня говорить. Въ противномъ случаѣ я скажу вамъ больше, нежели сколько вы знать желаете. Однимъ словомъ, докторъ вашъ не смыслитъ ничево. Еслибъ онъ имѣлъ понятіе о жизненной линіи; такъ бы онъ пульсу не вѣрилъ. Жизненная линія на рукѣ у жены вашей въ двухъ мѣстахъ пересѣчена и попорчена двумя большими красными точками. Больше вамъ сказать не могу. Одну болѣзнь выдержала она за два года предъ симъ. Ето первая пересѣчка. Теперь другая наступаетъ; вотъ другая пересѣчка. Ету мнѣ надобно еще разъ посмотрѣть, и сличить точно линію жизненную съ

линїею натуральною и столовою. На ногтю у ней есть скверный, черный пунктъ, которой называется Юпитеръ; отъ него происходитъ удушье, біенїе сердца. Больше я вамъ не скажу. Я со всѣмъ было и объ етомъ ни слова говорить не хотѣлъ. Прямо сказать она опасна, и . . .

СТЕФАНЪ.

Пожалуйте помедлите нѣмножко. Я послушаю, не можно ли вамъ теперь къ ней войти.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ФИЛИППИНА, ХИРОМАНТИКЪ.

ФИЛИППИНА.

Скажите сударь, правда ли ето, что вы дядюшкѣ теперь говорили? я вамъ признаюсь, что я подслушивала за вами; но не могу себѣ вообразить, что бы тѣтушка въ такой опасности была, какъ вы сказывали.

ХИРОМАНТИКЪ.

Конечно правда, сударыня, въ прочемъ бы я не отважился сказать напередъ съ такою смѣлостїю.

ФИЛИППИНА.

Я не о томъ спрашиваю. Подлинноль вы знаете, и не можете ли ошибиться?

ХИРО-

ХИРОМАНТИКЪ.

Я не могу для того ошибиться, поелику сказываю то, что показываютъ линіи и знаки на рукахъ и на лицѣ.

ФИЛИППИНА.

Не льзя сему статься, сударь; впрочемъ на собственныхъ вашихъ рукахъ линіи должны бы были васъ научить, что можетъ быть вы севодни же еще обруганы будете съ вашею наукою. Коли я не ошибаюсь такъ тітушка скоро, авосьли бо севодни же выздоровѣетъ.

ХИРОМАНТИКЪ.

Коли такъ сдѣлается, какъ вы говорите, то я подвергну себя такому наказанію, чтобы предъ глазами вашими просверлили мнѣ черепъ.

ФИЛИППИНА.

Берегитесяжъ, сударь. Если тітушкѣ по легче станетъ, такъ я завтра явлюся къ вамъ съ господиномъ докторомъ и фершеломъ для присудствія при такой примѣчанія достойной операціи.

ХИРОМАНТИКЪ.

Вы, сударыня, остроумными вашими выдумками не отымете чести и славы у такой древней науки, какова хиромантія. Графы и князья имѣли ее въ почтеніи, а что вы ее презираете, такъ это меня не тревожитъ.

ФИЛИППИНА.

Ето оправданіе ваше не много васъ защититъ. Цыгане предгадательствуютъ такъ же графинямъ и княгинямъ; однако всегда таки обманщиками остаются.

ХИРОМАНТИКЪ.

Къ чему мѣшать сюда едакую грязь. Они чорта два знаютъ объ нашей наукѣ. Къ хиромантическимъ знаніямъ требуются головы ученыя, искусныя и совсѣмъ особливыя.

ФИЛИППИНА.

Какъ же вы хитры! вы можете не примѣтнымъ образомъ дать знать, что вы учились, и великой духъ имѣете. Но еслибы вы мнѣ не сказали, такъ бы я чрезъ долго, или коротко, а можетъ быть при самомъ бы уже сверленіи вашего черепа, объ етомъ подумала. Да по чему вы знаете, что знаки на рукахъ и челѣ точно изображаютъ судьбу смертныхъ, что кажется нарочно провидѣніемъ отъ насъ закрыто?

ХИРОМАНТИКЪ.

Оставте такіе ребячьи вопросы. Что яснѣя сево быть можетъ, что жизненная линія показываетъ жизнь, линія чести изъявляетъ честь, а поясъ венеринъ изображаетъ любовь? для сей же причины, поелику они такъ называются, тоже самое и означаютъ. И для того называются такъ, какъ называют-

ваются, поелику они значатъ то, что показываютъ. Понимаешъ ли ты заключенiе єто умница моя дорогая?

ФИЛИППИНА.

Не очень ясно. Но какъ, когда линiи и черты на рукахъ нашихъ не иное что представляютъ, какъ то же самое, что скважины и рассѣдины на деревьяхъ?

ХИРОМАНТИКЪ.

Съ тобою, сударыня, въ порядочной разговоръ вступить не льзя. Ты одно съ другимъ мѣшаешъ. Довольно сказано, что въ натурѣ ничево нѣтъ безъ причины. И черточка на жизненной линiи у госпожи Стефанши, значитъ смертельную болѣзнь. Єто довольно ясно.

ФИЛИППИНА.

Когда натура, по мнѣнiю вашему, ничево безъ причины не производитъ, такъ думаю я, что пятна и другiе на тѣлѣ человѣческомъ примѣты, такъ же должны что нибудь значить?

ХИРОМАНТИКЪ.

Чтобъ они ни значили, до васъ єто мало касается.

ФИЛИППИНА.

Государь мой! у васъ у всѣхъ одно только єто оправданiе. Такимъ образомъ одинъ

цыганъ давно уже предо мною извинялся. Я стану въ томъ просить прощенія у хиромантіи метопоскопіи, физіономіи, астрологіи, и пункпирной науки, однимъ словомъ, у всѣхъ вашихъ наукъ и художествъ, что я не почитала ихъ истолкователями судьбы нашей. Я намѣрена сама учиться вашимъ знаніямъ. Коли я выходить буду за мужъ, то никого другаго не выберу себѣ мужемъ, какъ только Хиромантика, либо гадателя. Тогда станемъ мы при всякомъ поцѣлуи, при всякой чашкѣ кофію, на яву и во снѣ другъ другу предгадательствовать. Какаяжъ приятная будетъ у насъ забава! теперь, сударь, пожалуйте скажите мнѣ, что сдѣлается съ тѣтушкою. Долго ли она пролежитъ?

ХИРОМАНТИКЪ.

Я бы не желалъ ей такъ скоро отказаться отъ сего свѣта

ФИЛИППИНА.

Ахъ, боже мой! Что ето я слышу? тѣтушка близъ смерти? гдѣ мы въ такой скорости достать можемъ трауръ.

ХИРОМАНТИКЪ.

Я ей теперь не смотрѣлъ еще на руку. Но я точками загадывалъ . . . больше не знаю, что уже сказать.

ФИЛИППИНА.

Дядюшка васъ кличетъ сударь.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

ФИЛИППИНА, РИХАРДЪ

РИХАРДЪ

Здравствуй, сударыня. Я слышалъ, что сватьюшка не можетъ. Мнѣ хочется ее навѣстить. Разогнать ей скуку, и подать совѣтъ. Я вѣ запасъ взялъ такъ же съ собою домащней свой еликсиръ.

ФИЛИППИНА.

Я тотъ часъ провѣдаю, сударь, прикажетъ ли тютушка васъ пустить.

РИХАРДЪ.

Какъ не приказать. Больные меня любятъ. Я человѣкъ веселый, шутливый, съ больными довольно уже обращался. Говорить охотникъ. Лѣкарство мое удивительныя имѣетъ дѣйствія. Я бы уже давно про себя сказалъ, мортуусъ эстъ, еслибъ не етотъ медикаментъ.

ФИЛИППИНА.

Я думаю, сударь, что дядюшка принялъ уже къ себѣ двухъ, или трехъ докторовъ. Теперь лѣкарство ваше будетъ . . . Да вотъ идетъ сама тютушка. Ахъ, какъ же слаба! я пойду приготовлю ей яшную воду.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

РИХАРДЪ, СТЕФАНЪ ведетъ свою жену. (*она падаетъ на креслы.*)

РИХАРДЪ.

Ахъ, сватьюшка сударыня, какъ же вы худы! мнѣ сердечно васъ жаль. Чѣмъ вы такъ больны.

СТЕФАНША.

Я бы весьма рада съ вами поговорить господинъ Рихардъ, еслибъ . . . въ силахъ была. Меня такъ таки и душитъ . . . сердце выскочить хочетъ . . . едакое мое несчастье! докторъ велѣлъ мнѣ прохаживаться по покоямъ. Емубъ прежде надлежало укрѣпить мои силы . . Ахъ, сколь бѣдственна и маловременна жизнь человѣческая! . . . Я думаю, что я не долго уже помаюсь . . . Благодарить Бога! я всемъ довольна.

СТЕФАНЪ.

Не говори о смерти, любезная моя, въ прочемъ я прежде тебя скончаюсь. Предъ глазами твоими умру.

РИХАРДЪ.

Не отчаявайтесь, сватьюшка, сударыня. Человѣкъ много въ жизни претерпѣваетъ. Послушайтесь меня, примите ка полну ложку

жку моего еликсиру. Вотъ здѣсь (*вынимаетъ изъ кармана*) всѣ аптеки въ одномъ пузырькѣ.

СТЕФАНША.

Мнѣ отъ часу хуже становится любезный мой мужъ . . . . Я уже чувствую . . . Не прикажитель призвать ково ниесть изъ приказныхъ ? Ябъ отказала тебѣ всѣ свои уборы, и приказалабъ долго вамъ жить . . . Охъ! что хозяюшка ваша дѣлаетъ , господинъ Рихардъ? Для чегобъ ей меня не навѣстить.

РИХАРДЪ.

У ней теперь случились по несчастію ея знатныя люди въ гостяхъ , но она въ вечеру будетъ имѣть честь отдать вамъ свой поклонъ.

СТЕФАНША.

Хорошо , коли я до вечера еще промаюсь , такъ благодарить Бога. Она севодни въ обѣдъ была у меня , и много говорить меня принуждала. Конечно отъ тово я занемогла. Она была гораздо весела , съ лишкомъ хорошо разряжена . . . А все ето одна только суета. Какъ скоро къ человѣку пристанетъ горячка и прострѣлъ, такъ и душа вонъ, а платье останется . . . Богъ всемогущъ . . . У меня языкъ не воротится . . . Больше уже я ни слова промолвить не могу. А кто таковы гости у хозяюшки вашей ? . . . хотябъ она теперь и меня тутъ же приглашала , тобъ я не въ силахъ была сево сдѣлать . . . пощупайка

пайка руки мои, любезный мужъ. Они совсѣмъ простыли. Мысли мои совсѣмъ исчезаютъ (*сильно*), чтожъ ты ко мнѣ не притронешня? развѣ жизнь моя тебѣ уже надоѣла? вить еще году нѣтъ свадьбѣ нашей, а я уже тебѣ и наскучила? едакое мое горе!

СТЕФАНЪ.

Не сердися, радость моя. Я отъ такой печали самъ себя позабылъ. Побѣгу опять къ доктору, брошусь на колѣни, и просить его стану, чтобъ онъ сдѣлалъ мнѣ жизненнаго балзаму. Я не допущу тебя умереть.

РИХАРДЪ.

Какъ же вы поблѣднѣли, сватьюшка сударыня! я принесу лошку. Извольте ка принять моего отъ всѣхъ болѣзней пригоднаго лѣкарства.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

СТЕФАНЪ, СТЕФАНША.

СТЕФАНША.

Ещель ты, бѣдниинькой меня любишъ? Ахъ, сколь много болѣзнь моя будетъ тебѣ опять стоить! смерть моя тѣмъ больше мнѣ тягостна, что я тебя оставить должна. Впрочемъ все въ мірѣ семъ суета, честь, великолѣпные наряды и богатство.

Сколь

Сколь нѣжно провождали мы краткое время нашего супружества! озлобила ли я тебя въ девять мѣсяцовъ словомъ, или хотя взоромъ? . . (*жестоко*) что молчишь? конечно ты безчувственнымъ сталъ камнемъ? или нѣжность моя мало тебя трогаетъ? или помышляешъ уже о другой женѣ по смерти моей? въ какой же смертельной ознобѣ меня бросаетъ! умираю! умираю!

СТЕФАНЪ. (*обнимая ее.*)

Никакъ, я не выпущу души твоей изъ рукъ моихъ. Помогите мнѣ. Ты хочешъ умереть. До етова я тебя не допущу. Ты свѣту сему еще не наскучила.

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ТѢЖЪ, РИХАРДЪ (*съ чайного чашкою*).

РИХАРДЪ.

Выпейте ка все смѣло, сударыня. Оно сладко, какъ патока. Отъ всего помогаетъ, хотябъ вы малинькимъ сыномъ беременны были. Ха! ха! вить женатому человѣку про брачныя дѣла говорить не непристойно.

СТЕФАНША.

Не думаю, чтобъ я ево выпить могла. Докторъ уже предписалъ мнѣ какое то лѣкарство.

ство. Сей часъ принесутъ изъ аптеки. Что говорятъ, сударь, доктора про болѣзнь мою?

РИХАРДЪ.

Чтобъ они ни говорили; однако примите ка вы моего еликсиру. Я буду въ отвѣтѣ. Фуге медикосъ. Я съ малыхъ еще лѣтъ ету поговорку помню. Всѣ доктора, какъ доктора. Послушайтесь меня, сударыня. Или вы рассердить меня хотите. Еслибъ я былъ мужъ вашъ, такъ бы я очень хорошо растолковалъ вамъ объ етомъ лѣкарствѣ. Или думаете вы, что я ничего не разумѣю?

СТЕФАНША.

Не варваръ ли ты? палачь больше имѣетъ сожалѣнія, стоя съ мечемъ за осужденнымъ, нежели ты. Если умру я отъ етова лѣкарства, такъ что пособятъ мнѣ тогда твои увѣренія? какъ же жжотъ у меня на сердцѣ?

СТЕФАНЪ.

Выпей радость моя. Сдѣлай ето для меня, пожалуй. Я бы, любя тебя, выпилъ цѣлое ведро лѣкарства.

РИХАРДЪ.

Пожалуйте не заставляйте меня такъ долго держать чашку. Вамъ право сей же часъ полегче будетъ.

СТЕФАНША.

Мнѣ уже и такъ полегче стало. Нѣтъ я не стану принимать.

РИ-

РИХАРДЪ.

Отговорка ваша ничево вамъ не пособитъ. Неотмѣнно принять должно, чтобъ впредь болѣзнь пристать не могла.

СТЕФАНША.

Вы въ гробъ вогнать меня хотите.

РИХАРДЪ.

Я за живо дамъ себя съ вами погребсти, коли вы отъ етова умрютe.

СТЕФАНША.

Тогда уже ето меня не оживитъ.

СТЕФАНЪ.

Перестань, пожалуй такъ безотвязно къ ней приступать. Не можно ли мнѣ вмѣсто ея принять? статься можетъ лѣкарство чрезъ Симпатію въ ней подѣйствуетъ. Вить мужъ и жена одно тѣло. Коли оно ей претитъ, такъ нѣ къ чему принимать.

РИХАРДЪ.

Не прогнѣвайся сватушка, что я тебѣ скажу. Конечно ты чарку водки выпилъ. Ей неотмѣнно принять должно. Долгъ мой велитъ стараться о ея здравіи, и сколько можно помогать ближнему.

СТЕФАНША.

Теперь опять на сердцѣ у меня гнѣсти станетъ.

РИХАРДЪ.

Примите только, такъ сердце опять отойдетъ. Лѣкарство мое вѣрно хорошо подѣйствуетъ. Все вить къ чему нибудь пригодно. Я все для васъсдѣлаю, коли меня послушаетесь.

СТЕФАНША.

Подайте сюда (*льетъ дрожащею рукою*) охъ, ето лѣкарство горчае и самой смерти.

СТЕФАНЪ.

Дай Богъ на здоровье.

РИХАРДЪ.

Наморщитесь ка, какъ Риноцеросъ. Чувствуете ли, какъ оно на сердцѣ жжотъ? теперь говорите громно, и кричите, чтобъ не остановилось оно въ грудяхъ, и не зажглобъ легкаго и печонки.

СТЕФАНША.

Небоитесь ли вы Бога? какую вы мнѣ адскую желчь даете?

СТЕФАНЪ.

Слушай сватъ! ты умрешъ на амвонѣ, коли жену мою въ гробъ вгонишъ.

РИ-

РИХАРДЪ.

Ахъ! вить я ето знаю. Только говорите сватьюшка, иначе я ни въ чемъ не ручаюсь.

СТЕФАНША.

Едакой безбожникъ! я теперь со всѣмъ говорить не могу (*скоро*) у меня совсѣмъ духу не стало. Откуда мнѣ ево взять? Съ вашимъ проклятымъ лѣкарствомъ! хотѣлабъ я, чтобъ вы вмѣсто меня помучились.

РИХАРДЪ.

Говорите безъ отдышки! у васъ довольно еще духу.

СТЕФАНША.

Что? у меня довольно духу? еще таки вамъ больному человѣку прекословить хочется. Едакой безстыдникъ и неучтивецъ! тебѣ съ женою своею хочется таки въ гробъ меня вогнать. Мужъ мой вѣчно на васъ жаловаться будетъ.

РИХАРДЪ.

Вы опять говорить перестали. Говорите безъ отдыху. Заведите ссору съ своимъ мужемъ Посмотрите на нево какъ онъ стоитъ, и такой показываетъ видъ, какъ будто ядомъ отравить меня хочетъ, за то единственно, что я столь охотно вамъ служу.

СТЕФАНЪ.

Я дрожу, господинъ Рихардъ.

СТЕФАНША.

Дрожаніе твое меня не вылѣчитъ. Ты еще не вѣдаешъ, сколь утрата та будетъ тебѣ чувствительна, когда меня не станетъ. Но по смерти моей узнаешъ.

РИХАРДЪ.

Довольно сватьюшка. Теперь маленько отдохните; въ прочемъ сдѣлается возженіе въ кровѣ.

СТЕФАНША.

Не съ ума ли ты сшелъ? Разсердивши меня заставляешъ молчать.

РИХАРДЪ.

Пожалуйте перестаньте сердиться, инако и лѣкарство мое отъ смерти васъ не избавитъ. Оно тому пригодно, кто веселъ, доволенъ, и отваженъ. Теперь извольте на полчаса полежать въ постелѣ. Окутайтесь хорошенько, чтобъ нѣсколько вспотѣть.

ЯВЛЕНІЕ ДВЕНАДЦАТОЕ.

ТѢЖЪ, ГЕНРІЕТТА.

ГЕНРІЕТТА.

Господинъ Хиромантикъ спрашиваетъ, не изволитель ему чево приказать. Онъ хочетъ уйти.

СТЕФАНЪ.

Ахъ! я объ добромъ та человѣкѣ въ такой печали совсѣмъ и позабылъ.

СТЕФАНША.

Отведи меня, душенька, опять въ мою спальну. Я больше не могу здѣсь пробыть. Пусть господинъ Хиромантикъ по совѣсти скажетъ, каково мнѣ отъ сего будетъ лѣкарства.

РИХАРДЪ.

Оно для васъ весьма будетъ полезно. Черезъ полчаса приду я къ вамъ опять. Тогда можно будетъ вамъ принять еще одинъ приемъ.

(Стефанша съ мужемъ своимъ уходитъ, и Рихардъ хочетъ такъ же уйти, но Генріетта кипаетъ ему).

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

ГЕНРІЕТТА, РИХАРДЪ.

РИХАРДЪ.

Что къ вашимъ услугамъ, сударыня, не изволштель и вы принять моего еликсиру!

ГЕНРІЕТТА.

Никакъ сударь. Я до едакихъ прихотей не очень лакома. Мнѣ хотѣлось спросить васъ

сударь, кофточка та, въ которой севодни хозяюшка ваша была, горазло мнѣ понравилась. Гдѣ вы такова хорошева штофу достали?

РИХАРДЪ.

Одинъ купецъ, которому я помогъ въ важномъ векселѣ, подарилъ мнѣ третьяго дня цѣлой кусокъ етова штофу. Я приказалъ отъ него отрѣзать на кофточку своей женѣ. А изъ остатку еще вѣрно выдетъ другая кофточка. Если изволите, я уступлю вамъ за настоящую цѣну.

ГЕНРІЕТТА.

Еслибъ такъ скоро она поспѣла! я бы заплатила вамъ за нее, сколько вамъ угодно. Мнѣ надобно завтре съ однимъ молодымъ господиномъ быть восприемницею, такъ едакое платье очень мнѣ нужно.

РИХАРДЪ.

Какъ же вы чудно говорите! вить вы вѣдаете, что деньги мнѣ очень нужны, а я и безъ денегъ вамъ повѣрю. Знаете ли что? вы вить ровны ростомъ съ моею хозяйкою. Я пойду сей часъ домой, и пришлю вамъ ея кофточку. Она объ етомъ головою знать не будетъ. А ей сїюжъ минуту другую прикажу сдѣлать.

ГЕНРІЕТТА.

Вы хотите ето сдѣлать? вы мнѣ чрезвычайную покажете услугу. Я вдвое заплачу

чу за работу. И какъ етова штофу въ лавкахъ сыскать не можно; то я заплачу вамъ за каждой аршинъ того штофу, которой въ кофточкѣ, шесть грошей больше, нежели за остальной кусокъ.

РИХАРДЪ.

Симъ я весьма доволенъ. Я всегда охотно служу моимъ пріятелямъ при печалѣ и при радости. Между тѣмъ постарайтесь, чтобъ сестрица маленько вспотѣла, чтобъ лѣкарство мое не потеряло своей чести. А я помѣшкавъ съ полчаса, приду опять.

ГЕНРІЕТТА.

А кофточку . . я сей часъ дамъ вамъ два луидора задатку. Вы любезнѣе мнѣ отца.

РИХАРДЪ.

Что объ етомъ толковать Кофточка такъ вамъ въ пору будетъ, какъ будто по васъ шита.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

ГЕНРІЕТТА, ФИЛИПИНА.

ГЕНРІЕТТА.

Радуйся, сударыня. Завтре я буду въ богатомъ нарядѣ, когда крестить пойду.

Господинъ Рихардъ обѣщался уступить мнѣ женину новую штофную кофточку. Одинъ купецъ подарилъ ему цѣлой кусокъ етова штофу. А изъ остатку прикажетъ ей тотъ же часъ другую сдѣлать.

ФИЛИППИНА.

Все хорошо. Только если слова господина Хиромантика сбудутся; такъ можетъ быть мы севодниж надѣнемъ трауръ. Куда поспѣютъ тогда твои наряды?

ГЕНРІЕТТА.

Хотя я во всемъ вѣрю господину Хиромантику, но въ етомъ не повѣрю.

ФИЛИППИНА.

Коли сестрица ваша не бывала еще больна; то теперь то уже дѣйствительно она больна отъ Рихардова лѣкарства. Къ ней пришалъ жаръ, и начинаетъ уже по маленьку бредить.

ГЕНРІЕТТА.

Пускай она бредитъ. Только я опасаюсь, чтобъ она не сдѣлала мнѣ помѣхи въ кумовствѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

ТѢЖЪ, ХИРОМАНТИКЪ.

ХИРОМАНТИКЪ.

Каково теперь госпожѣ Стефаншѣ? не правда ли, что ей хуже сдѣлалось съ того вре-

времяни, какъ меня домой отозвали? вотъ плоды отъ Рихардова лѣкарства.

ФИЛИППИНА.

Ваша правда, сударь. Она начинаетъ уже бредить. Къ ней предъ моимъ сюда выходомъ, пришолъ такой сильной пароксисмъ, что четыре сильные человѣка едва на постели удержать ее могли.

ХИРОМАНТИКЪ.

Такъ таки я и думалъ, и зналъ напередъ. Теперь вы легко повѣрите, что я разумѣю что нибудь. Пойдука я къ ней.

ГЕНРІЕТТА.

Вы давно уже обѣщались, гоподинъ Хиромантикъ посмотрѣть мнѣ на руку. Посмотрите пожалуйте, каково мое счастіе впредь будетъ. Выду ли я еще за мужъ за ково нибудь лутчаго состоянія, или нѣтъ?

ХИРОМАНТИКЪ.

Какъ вы ето разумѣете?

ГЕНРІЕТТА.

Я разумѣю такъ. Когда Карлъ мой пріѣдетъ назадъ (*онъ теперь въ Парижѣ*) и устоитъ въ своемъ словѣ, и я получу богатое наслѣдство въ двадцать тысячь талеровъ, такъ буду ли я тогда госпожею? посмотритетка. Вотъ вамъ моя рука. Она въ самомъ дѣлѣ гораздо бѣ-

лѣе; но я искала теперь ево писемъ, и вымаравши пылью, не обмыла.

ХИРОМАНТИКЪ. (*смотритъ ей на руку*).

Рука ваша не уступаетъ бѣлизною алебастру.

ФИЛИПИНА.

Вы ето узнаете сударь по хиромантіи, или вѣрите только глазамъ вашимъ? а у Генріетты счастлива ли рука?

ХИРОМАНТИКЪ.

Изрядная. Посмотрите какія прекрасныя горы, какая великолѣпная линія чести, богатой столъ, изрядная головная линія. Она довольно разумна, и здѣсь . . . однако . . .

ГЕНРІЕТТА.

Что же вы не выговорили? развѣ линія ета опасна?

ХИРОМАНТИКЪ.

Никакъ. Я бы много объ ней толковать могъ, лишь бы васъ не пристыдить.

ГЕНРІЕТТА.

Чего мнѣ стыдиться? конечно хотѣлось вамъ сказать о любовной линіи. Говорите сударь смѣло. Вить мнѣ отъ роду уже шестьнадцать лѣтъ, и статься можетъ, я уже больше о любви читала, нежели сколько вы сказать можете.

ФИ-

ФИЛИППИНА.

Скажите, сударь, пожалуйте, откройте мнѣ все сердце Генріетты; всѣ ея любовныя дѣла. Кто теперь у ней любовникъ? можетель вы угадать?

ХИРОМАНТИКЪ (*смотритъ ей присталъно руку*)

Коли я не съ лишкомъ ошибаюсь, такъ полюбовникъ у ней одинъ дворянинъ.

ГЕНРІЕТТА

Правда ваша, сударь. Вы весьма справедливо отгадываете.

ФИЛИППИНА.

Можете ли еще посмотрѣть, великъ ли онъ ростомъ, или малъ, молодъ, или старъ, богатъ или бѣденъ? я отъ васъ уже и много потребовала.

ХИРОМАНТИКЪ.

Онъ изъ среднихъ.

ГЕНРІЕТТА.

Точно отгадали, сударь? онъ средняго росту. Ахъ ты мой бѣлокуринькой!

ХИРОМАНТИКЪ.

Онъ еще молодъ. Ему лѣтъ около двадцати.

ГЕНРІЕТТА.

Я васъ съ радости поцѣлую, сударь. Все съ вашими словами сходно.

ХИРОМАНТИКЪ.

Онъ богатъ.

ГЕНРІЕТТА.

Такъ сударь. У него двѣ вотчины, и онъ во все время своего здѣсь ученія ходилъ гораздо щепетко. Иногда носилъ весьма богатые камзолы, и во всемъ етомъ его нарядѣ, любезнѣйшимъ казался.

ФИЛИППИНА.

Вы обстоятельнѣе, сударь, объ немъ знаете, нежели сама Генріетта. Я вамъ еще таки нѣчто сказать хочу. Когда вы ето знаете, такъ вамъ и все извѣстно. Каковъ онъ волосомъ, и каковы у него глаза.

ХИРОМАНТИКА. (*опять долго смотритъ на руку*)

Черные глаза, сколько мнѣ мажется: прекрасные черные глаза, волоса бѣлокурые, хорошо причесанные. Не правда ли?

ГЕНРІЕТТА.

О мой любезный другъ! теперь то вы заслуживаете мое почтеніе. Онъ точно таковъ, правда ваша сударь. У нево большіе черные глаза, волоса бѣлокурые, и такъ мяхки какъ шелкъ. Волоса убиралъ такъ щепетко и модно, что заглядѣться на нево должно. Что еще вамъ скажу. Онъ года съ четыре, лѣтомъ и зимою, въ слякоть и дождь, любя меня, не надѣвалъ шляпы. Я бывало

бывало всегда о томъ и думаю, чтобъ отъ стужи, или зною, мысли его не ослабѣли. однако никакого несчастія не приключилось. Онъ былъ всегда бодръ и остроуменъ. Мыслей былъ самыхъ веселыхъ. Прямо сказать, все на немъ говорило. Принеси его Богъ скорѣе назадъ!

ФИЛИППИНА.

Извините меня, сударь, что я изъ любопытства спрошу васъ еще объ одномъ дѣлѣ. Гдѣ любовникъ Генріетты? въ деревнѣ, или . . .

ХИРОМАНТИКЪ.

Онъ въ дорогѣ, приѣдетъ года черезъ два, и тогда исполнитъ свое обѣщаніе?

ГЕНРІЕТТА.

Какое обѣщаніе? скажите сударь. Въ чемъ ево обѣщаніе?

ХИРОМАНТИКЪ.

О, пожалуйте не притворяйтесь. Вить онъ далъ вамъ слово жениться на васъ. Развѣ думаете вы, что онъ въ послѣдней разъ поцѣловалъ васъ съ проста въ . . .

ГЕНРІТТА.

Въ дверяхъ. Я совсѣмъ прихожу внѣ себя. О еслибъ я счастливымъ васъ сдѣлать могла! я сей часъ пойду, и напишу вамъ въ похвалу цидулочку на томъ письмѣ, которое я теперь къ моему Карлу писала.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ ШЕСНАДЦАТОЕ.

ФИЛИПИНА, ХИРОМАНТИКЪ.

ФИЛИППИНА.

Да сударь. Теперь я сама боюся. Тетушка, какъ вы уже знаете, начинала бредить, и въ етомъ жару нарочито побранивала меня и Рихарда съ ево женою. Вить вы не прогнѣваетесь сударь, коли я скажу, что она и васъ тутъ же не выгородила, и назвала дуракомъ. И вы уже слышали, что четыре человѣка на силу ее на постелѣ удержать могли.

ХИРОМАНТИКЪ.

Теперь ей не долго такъ маиться Я примѣчаю, что скоро ударитъ ее прострѣлъ. Поговорить было съ нею, покамѣстъ языкъ совсѣмъ еще не отнялся.

ФИЛИППИНА.

Теперь я вспомнила. Надобно послать за фелдшеромъ. Она хотѣла кровь пустить.

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

ФИЛИПИНА, СТЕФАНЪ.

СТЕФАНЪ.

Я васъ ищу. Я требую вашего утѣшенія. Не знаю, что мнѣ теперь дѣлать оста-

талось. Свѣтъ уже мнѣ не милъ. Любезной женѣ моей поминутно хуже становится. Еслибъ здоровье мое дозволяло мнѣ оплакивать ее, такъ лился бы я не слезами, но кровью: столь я горячо ее люблю.

ХИРОМАНТИКЪ.

Не правдали, что у ней великой жаръ, и начинала уже безъ меня бредить? въ етомъ жару и меня она выбранила.

СТЕФАНЪ.

Скажите мнѣ, для бога, вы уже все ето прежде на рукѣ ея примѣтили? ни кто изъ смертныхъ больше васъ знать не можетъ. Простите ей бѣдниньκой, что она въ едакомъ жару и объ васъ слово молвила. Кто въ едакихъ обстоятельствахъ самъ въ себѣ воленъ.

ХИРОМАНТИКЪ.

А сколько человѣкъ держали жену вашу въ самомъ пароксисмѣ? не четыре ли?

СТЕФАНЪ.

Что вы чрезъ ето разумѣете? четыре человѣка! никакъ до етова дѣло еще не доходило. Корчь ее еще не схастывала. Она всегда лежала спокойно, хотя и много бредила.

ХИРОМАНТИКЪ.

Какъ бы то ни было, довольно того, по рукѣ отгадалъ я четырехъ человѣкъ, кото-

торые ее держали. Но статься можетъ, что вы разумѣете ихъ въ такомъ смыслѣ, то есть, что они ей въ болѣзнѣ помогаютъ.

СТЕФАНЪ.

Ваша истинная правда. Докторъ да я стало двое, да еще вы съ господиномъ Рихардомъ, такъ и стало четыре человѣка. Она теперь, сударь, опять не много заснула. Когда пробудится, такъ сдѣлайте мнѣ послѣдней долгъ, посмотрите еще ей на руку, не перемѣнились ли въ ето время линіи.

ХИРОМАНТИКЪ (*вынимаетъ бумагу*).

Вотъ здѣсь точно изображена рука супруги вашей? извольте потрудиться посмотрѣть. Вотъ здѣсь линія между большимъ и указательнымъ перстомъ, вотъ ладонь, вотъ линіи и горы; однимъ словомъ, запястье и пясть, отводящій и поводящій мускулы. Видите ли? вотъ линія жизненная, натуральная и столовая. Жалко, что жизненная линія весьма кратка.

СТЕФАНЪ.

Не можно ли намъ ее протянуть? отъ чегобъ быть ей такъ короткой.

ХИРОМАНТИКЪ.

Здѣсь на концѣ жизненной линіи точка, которая значитъ болѣзнь, и ту самую, въ которой лежитъ теперь жена ваша.

СТЕ-

СТЕФАНЪ.

Въ самомъ дѣлѣ такъ? ахъ проклятая точка! лучшебъ была она на рукѣ у ея недруга! пожалуйте больше не показывайте мнѣ етой проклятой точки. Обморокъ меня ошибаетъ.

ХИРОМАНТИКЪ.

Послѣ сей точки жизненная линія кончится непосредственно. Больше я вамъ сказать не могу.

СТЕФАНЪ.

Ахъ я несчастной! не ужъ ли совсѣмъ надежды нѣтъ? Извольте принять сударь, малое награжденіе за трудъ вашъ, вотъ вамъ нѣсколько червонныхъ. А коли жена моя выздоровѣетъ, то . . .

ХИРОМАНТИКЪ.

Развѣ думаете вы, что я за искуство мое беру деньги? не стыдно ли вамъ столь подло со мною поступать?

СТЕФАНЪ.

Я даю вамъ ето награжденіе не за трудъ вашъ; но въ знакъ моей къ вамъ дружбы. И единственно для того даю столь мало, поелику увѣренъ, что вы богатство презираете.

ХИРОМАНТИКЪ.

Въ такомъ разумѣ принимаю я деньги безъ дальней благодарности.

СТЕ-

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

СТЕФАНЪ.

Ахъ, любезный другъ! вы сказывали мнѣ однажды, что по подошвамъ на ногахъ лучше всего узнавать можно. Смѣю ли я теперь васъ объ етомъ попросить? мы имѣемъ удобной случай, поелику жена моя на постелѣ. Не изволитель?

ХИРОМАНТИКЪ.

Въ чемъ только я отказать вамъ могу? есть еще нѣкоторые знаки на грудяхъ у женщинъ, которые неизвѣстность ясно толкуютъ.

СТЕФАНЪ.

На грудяхъ? я думаю, жена моя не будетъ симъ довольна. Я посмотрю, пробудилась ли она, чтобъ вамъ линіи . . .

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМНАДЦАТОЕ.

ХИРОМАНТИКЪ, ФИЛИППИНА.

ФИЛИППИНА

Подите, сударь поскорѣе, въ побочной покой. Тютушка приказала себя туда вести, чтобъ отъ обмороку притти въ чувство. Она одѣта нѣсколько запроста, и никого изъ постороннихъ людей пускать къ себѣ не велѣла.

ХИРОМАНТИКЪ.

Конечно она бѣдняшка въ послѣдней уже разъ ходитъ. Я пойду въ другой покой.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

ФИЛИППИНА, СТЕФАНША (*ее ведетъ мужъ*)

СТЕФАНША.

Обморокъ за обморокомъ! едакая бѣда.. Рихардовъ еликсиръ ничево не помогаетъ.. капли докторовы то же не пользуютъ.. ахъ Филиппина! дѣло не очень хорошо. Тебѣ жаль меня, не правда ли?

ФИЛИППИНА.

Такъ, тетушка сударыня. Еслибъ я жалѣніемъ моимъ могла доставить вамъ здоровье: такъ бы вы сіюжъ минуту здоровы были. Не сокрушайтесь. Я несомнѣнную имѣю надежду. Вы свѣту сему еще не безнужны.

СТЕФАНЪ.

Такъ, племяненка, она мнѣ и всему свѣту надобна, весьма надобна.

СТЕФАНША.

Утѣшай пожалуй племяненка. Сама я лучше знаю, каково мнѣ... я было такъ скоро смерти себѣ не ожидала... какъ же ноги у меня дрожатъ! конечно смерть уже пришла.

СТЕФАНЪ.

Никакъ, когда ты умрешъ, то и я умру. Тебѣ надобно жить. Гробъ тебя не достоинъ.

СТЕФАНША.

Еслибъ фелдшеръ пришолъ! можетъ быть былобъ мнѣ нѣсколько полегче, когдабъ я кровь себѣ пустила . . . я больше говорить не могу.

ФИЛИППИНА.

Я по нево уже послала, тётушка. Онъ скоро придетъ.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТОЕ.

ТѢЖЪ, РИХАРДЪ со слугою.

РИХАРДЪ.

Что сватьюшка, не лучше ли я десяти докторовъ? каково вамъ послѣ моего лѣкарства?

СТЕФАНША.

Гораздо хуже прежняго.

РИХАРДЪ.

Ето изрядно. Не поешъ горькаго, не вкусишъ и сладкаго.

СТЕФАНЪ.

Вы справедливо говорите, господинъ Рихардъ для чево небу лишать меня жены моей? я дѣлаю столько добра ближнимъ, и . . .

СТЕФАНША.

Въ глазахъ моихъ опять со всемъ свѣтъ потемнѣлъ. Гдѣ я? гдѣ я?

СТЕФАНЪ.

Ты въ объятіяхъ моихъ, любезная моя. Тебя ни смерть, ни самъ дьяволъ изъ объятій моихъ не исторгнетъ.

РИХАРДЪ.

Ябъ совѣтывалъ вамъ, сватьюшка, еще разъ принять моего еликсиру. Право вы увидите послѣ со всемъ иное дѣйствіе.

СТЕФАНША.

Храни Богъ! лучше я во весь вѣкъ мой буду немочь, нежели еще разъ приму етотъ ядъ. Кровь, кровь мнѣ надобно пустить.

ФИЛИППИНА.

Пошлите слугу своего къ фелдшеру. Я не знаю, что такъ долго онъ мѣшкаетъ.

РИХАРДЪ. (*слугѣ*).

Подай мнѣ сюда етотъ пакетъ, бѣги поскорѣе за фелдшеромъ.

ФИЛИППИНА.

Что у васъ въ етомъ пакетѣ? не ужъ ли ето все лѣкарство. Тютушкѣ должно быть гораздо здоровой.

РИХАРДЪ.

Никакъ, сударыня. Здѣсь новая кофточка жены моей. Я уступилъ ее Генріеттѣ, по ея прозьбѣ. Жена моя головою объ етомъ не знаетъ. Я тихонько вынулъ ее теперь у ней изъ сундука, а портному послалъ остальной штофъ, чтобъ онъ немедлѣнно сдѣлалъ ей другую. Мнѣ не хотѣлось Генріеттѣ для такой ея радости отказать.

СТЕФАНША.

Едакая моя бѣда! я лежу при смерти, а сестра моя столько еще легкомысленна, что затѣваетъ новыя кофточки къ крестинамъ . . . еслибъ я въ силахъ была говорить! объ етомъ ли теперь думать? когда должно плакать и заготовлять траурные чепчики, тогда отнимаетъ она у бѣдной сватьи кофточку? . . . етова я не упущу. Я пошлю къ сватьи, и велю ей сказать. Не сдѣлавши сего не умру съ покоемъ.

ФИЛИППИНА (*развертываетъ кофточку*).

Ахъ, тютушка, сударыня; посмотрика, какая богатая кофточка! еслибъ такая у васъ была. Онабъ къ вамъ очень пристала. Вы, дядюшка, ни въ половину противъ Рихарда не имѣете щегольства въ женниномъ платьѣ.

РИ-

РИХАРДЪ.

Конечно, я безъ хвастовства сказать могу, что я на ето щоголь.

СТЕФАНЪ.

Еслибъ я только, радость моя, увидѣлъ тебя здоровою въ такомъ платьѣ; такъ бы я не пощадилъ половины моего имѣнія.

ФИЛИППИНА.

Я вамъ ручку поцѣлую, тютушка, если вы сдѣлаете мнѣ одолженіе и ету кофточку примѣрѣете. Я знаю, что она къ вамъ очень пристанетъ. Вы будете въ ней такъ хороши, какъ богиня. Не правда ли, дядюшка, что вы кофточку ету тютушкѣ купите, когда она ее севодни же примѣрѣетъ.

СТЕФАНЪ.

Я всею душею радъ. Хотябъ золотое платье было, такъ я куплю, не смотря на то, что теперь я бѣденъ.

РИХАРДЪ.

Но не досадно ли будетъ Генріеттѣ?

ФИЛИППИНА.

Чтожъ дѣлать хоть и досадно. Тютушка всегда ея лучше. Пожалуйте, тютушка сударыня примѣрьте кофточку.

СТЕФАНША.

Не стыдно ли тебѣ къ етому меня понуждать! гдѣ взять мнѣ столько силъ? мнѣ не надобно уже никакого другаго платья, кромѣ савана.

ФИЛИППИНА.

Пожалуйте сюда. Я прекрасно васъ одѣну. Можетъ быть движеніе больше вамъ пособитъ, нежели рецепты.

СТЕФАНЪ.

Сдѣлай, радость моя для меня угожденіе, чтобъ я въ платьѣ етомъ могъ тебя обнимать и носить на рукахъ.

СТЕФАНША.

Къ чему вы столько меня принуждаете, Вы знаете, что я ни въ чемъ вамъ не отказываю. Но теперь я чрезвычайно слаба. Мнѣ бываетъ иногда полегче, и я думаю, что лѣкарство господина Рихарда смягчитъ мою болѣзнь. А если я ходить стану, такъ, статься можетъ, силу свою оно потеряетъ?

РИХАРДЪ.

Ни какъ, сударыня. Теперь движеніе необходимо имѣть надобно. Сдѣлайте сватьюшка честь моему еликсиру, надѣньте кофточку, потанцуйте севодни со мною; такъ у васъ будетъ здоровье и новое платьѣ.

СТЕФАНЪ.

Я со слезами прошу тебя, душенька, послушай Рихарда и Филиппины. Вить они искренно желаютъ тебѣ здоровья?

СТЕФАНША.

Любя тебя и на страхъ твой ето я сдѣлаю. Проведи меня по горницѣ, племяненка, только покрѣпче поддерживай. Я такъ то слаба, что муха меня съ ногъ свалитъ.

ФИЛИППИНА.

Подите сюда, сударыня. Я васъ такъ наряжу, какъ княгиню. А вы, сударь, подождите здѣсь, покамѣстъ мы уберемся.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ.

РИХАРДЪ, СТЕФАНЪ.

СТЕФАНЪ.

Еслибъ даровалъ богъ, чтобъ женѣ моей полегче стало! господинъ Хиромантикъ ничево мнѣ добраго не сказалъ.

РИХАРДЪ.

Господинъ хиромантикъ глупъ, когда онъ добраго ничего не сказалъ. Къ чемужъ лѣкарство мое въ свѣтѣ? если она еще разъ приметъ, то черезъ сто лѣтъ ни одинъ

перстъ у ней не заболитъ. Я весьма радъ, что оно столько полезно. Да кто заплатитъ за кофточку, сватушка? вить мнѣ сколько нибудь таки и барышка взять надобно.

СТЕФАНЪ.

Я заплачу вамъ сверьхъ договору десять гульденовъ, коли я жену мою въ етомъ платьѣ здоровую обнимать буду. Я въ другомъ случаѣ потерю мою награжду, а за лѣкарство ваше останусь вѣчно вамъ одолженъ, и по гробъ мой буду почитать васъ моимъ избавителемъ, еслибъ только она выздоровѣла!

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ.

ТѢЖЪ, ХИРОМАНТИКЪ

ХИРОМАНТИКЪ.

Не спужайтесь, сударь, сожительница ваша гораздо худенька. Я видѣлъ, что фершелъ уже шелъ. Филиппина горькими лилась слезами.

СТЕФАНЪ.

Ахъ, я несчастный! (*уходитъ скоро*)

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЕ.

РИХАРДЪ, ХИРОМАНТИКЪ.

РИХАРДЪ.

Вы были теперь у госпожи стефанши?

ХИРОМАНТИКЪ.

Ни какъ, я стоялъ тамъ въ побочномъ покоѣ. Я было сталъ еще разсуждать о судьбѣ ея. Между тѣмъ прибѣжала филиппина въ великомъ изумленіи, и просила меня, чтобъ я позвалъ къ ней г. Стефана.

РИХАРДЪ.

Не льзя етому статься. Вить сватья принимала мой еликсиръ, а отъ него ни когда такъ скоро люди не умираютъ.

ХИРОМАНТИКЪ.

Еликсиръ вашъ отъ смерти не избавитъ.

РИХАРДЪ.

Да и ваши гаданіи не совсемъ справедливы.

ХИРОМАНТИКЪ.

Едакой человѣкъ, незнаючи ни аза въ глаза, отваживается ...?

РИХАРДЪ.

Правда, что я человѣкъ не учоный; но сколькобъ вы науку свою ни выхваляли, только я то знаю, что ето одна только дьявольщина.

ХИРОМАНТИКЪ.

Я по глазамъ твоимъ вижу, государь мой, что тебѣ чего то недостаетъ

РИХАРДЪ.

А я изъ словъ твоихъ понимаю, что ты съ лишкомъ высокомѣришься, и много о себѣ мечтаешъ.

ХИРОМАНТИКЪ.

Я по лицу тебя примѣчаю, что ты съ разумомъ въ великомъ несогласіи.

РИХАРДЪ.

А я не смотря тебѣ ни на лицо, ни на руку совѣтую беречься, чтобъ тебѣ отъ великаго разуму съ ума не спятить.

ПОСЛѢДНЕЕ ЯВЛЕНІЕ.

ТѢЖЪ, СТЕФАНША, СТЕФАНЪ, ФИЛИППИНА, ХИРОМАНТИКЪ (*хочетъ уйти*).

ФИЛИППИНА.

Куда вы бѣжать хотите, господинъ хиромантикъ? Тотъ нечестной человѣкъ будетъ, кто отсюда убѣжитъ!

СТЕФАНЪ.

Ахъ сватушка, ктобъ объ етомъ за часъ передъ симъ подумать могъ, чтобъ любезная жена моя такъ скоро выздоровѣла. Она цвѣтетъ, какъ маковъ цвѣтъ. Поглядитека на нее пристально. Не походитъ ли она на богиню,

СТЕФАНЪ.

Не должно ли тебѣ, другъ мой, радоватьсся. Ты видишъ, что я для угожденія твоего насильно себя принуждаю. Между тѣмъ вѣчно благодарю господина Рихарда за его лѣкарство, которымъ я такъ скоро отъ опаснѣйшихъ болѣзней избавилась. Ахъ господинъ Рихардъ, прикажите вашъ полезной рецептъ для отрады женскаго полу и для собственной вашей славы издать въ свѣтъ! не знаю, чѣмъ я вамъ за такую услугу вашу воздать вамъ могу.

РИХАРДЪ.

Вы, сударыня, ни чѣмъ столько меня не наградите, какъ тѣмъ, если лѣкарство мое всѣмъ пригожимъ барынямъ хвалить станете. И хотя бы я отъ всѣхъ Медицинскихъ факультетовъ удостоенъ былъ докторомъ, такъ бы я столько симъ не возгордился, сколько тѣмъ похвастать могу, что я имѣлъ честь счастливо васъ вылѣчить, и посрамить предсказанія господина хиромантика.

ФИЛИППИНА.

Такъ, тетушка сударыня, можете ли вы только себѣ вообразить. Господинъ Хиромантикъ говорилъ, что вы точно сево дни умрете?

ХИРОМАНТИКЪ.

Я себя ни мало не оправдаю, довольно того, что я искуствомъ моимъ увѣренъ, хотябъ на єто весь свѣтъ вознегодовалъ.

СТЕФАНЪ.

Конечно такъ! ваша ли въ томъ вина, что линіи и точки несправедливо иногда показываютъ. Наука въ томъ не виновата.

СТЕФАНША (*хиромантику*).

А когда вы еще таки лѣкарство мое презираете, такъ берегитесь, чтобъ я вамъ когда ниесть не подсунула яду, а вить все равно, какаябъ смерть васъ ни постигла.

ХИРОМАНТИКЪ.

Арсъ нонъ габетъ осоремъ, ниси игнорантемъ.

РИХАРДЪ.

Развѣ ты невѣжа, а не я.

ФИЛИППИНА.

Вотъ господинъ хиромантикъ. Тѣтушка уже выздоровѣла, какъ вы сами видите. Вы сказывали, что вы дадите черепъ себѣ просверлить, коли она севодни выздоровѣетъ, такъ надлежитъ вамъ, какъ честному человѣку, въ словѣ своемъ устоять. Можетъ быть фелдшеръ еще здѣсь. А я для общей пользы за операцію заплачу.

(*Хиромантикъ тайно уходитъ.*)

СТЕФАНЪ (*женѣ.*)

Ты мнѣ въ новой кофточкѣ весьма нравишься. Она опять придала тебѣ самой здоровой видъ. Черезъ недѣлю будутъ твои имянины, тогда я тебѣ еще подарю подарокъ.

СТЕФАНША.

Но что госпожа Рихардша . . .

РИХАРДЪ.

У ней будетъ другая кофточка. Завтре же она поспѣетъ. Если та будетъ лучше, такъ вы ту взять изволите. Да что стоите сватьюшка. Лѣкарство мое требуетъ великаго движенія. Пожалуйте сюда, станемъ

немъ ка танцоватъ тотъ минуетъ, которой мы за годъ предъ симъ на свадьбѣ вашей танцовали. Филиппина станетъ напѣвать.

СТЕФАНША.

Не знаю, достанетъ ли то столько у меня силъ?

(*потомъ на ѳеатрѣ танцуютъ.*)

СТЕФАНЪ.

Какъ же мнѣ любезно, что жена моя бодро еще танцуетъ! конечно лѣкарство ето весьма ей полезно было. Самъ ли то господинъ Рихардъ ево составлялъ?

ФИЛИППИНА.

Ни какъ, сударь, оно сдѣлано собственно на шелковой фабрикѣ. Господинъ Рихардъ присвоилъ себѣ ту благодарность, которуюбъ мнѣ получитъ надлежало. Да добро, вить молодыя барыни неотмѣнно ко мнѣ за лѣкарствомъ приходитъ станутъ.

КОНЕЦЪ.

